

ПЕРЕВАЛ

литературно-художественный выпуск

ПРИХОДИТЕ: г. Иркутск, ул. Байкальская, 249, подъезд 1, 5 этаж. ПИШИТЕ: г. Иркутск, 664075, я/я 3821. ЗВОНИТЕ: 23-04-09, 23-04-10

ТВОРЧЕСТВО БЕЗ ГРАНИЦ

Границы для творчества во времена СССР были весьма ощутимы: опубликовавшись на Западе без соответствующего соизволения, можно было там и оказаться не по собственной воле, хотя некоторые хитрецы, скорее всего, этого и добивались, но для читателей своей страны их произведения, естественно, оставались недоступными вплоть до эпохи «плюрализма» и «гласности», которая, впрочем, показала, что «возвращённая литература», в основном, отнюдь не так хороша и значима, как представлялось...

Ну да это дело прошлое, теперь границы для творчества распахнулись, хотя наши неугомонные соседи по-прежнему предпочитают привечать и награждать премиями авторов из России, мягко говоря, не уважающих свою страну, а порой и саму литературу в высшем смысле данного слова.

Однако наметилась и другая тенденция. Немало россиян, отправившихся на жительство в другие страны в последние десятилетия, родину свою любить и уважать не перестали и для связи с ней используют самую благоприятную и доступную почву – культуру.

Вот пример: русские в Японии создали свой театр. Начался он с любительских постановок и постепенно движется к профессиональному статусу. Для нас же этот театр интересен ещё и тем, что поставил спектакль по стихам иркутянки, нашего, кстати, автора, Любви Гибадуллиной, которая известна у любителей поэзии и как создатель и руководитель театра поэзии и музыки «Астро́за». О том, как это произошло и во что вылилось, читайте на второй странице «Перевала».

Среди бывших иркутян, живущих ныне за границей, в США, есть хороший, основательный поэт Сергей Скудаев. Не так давно вышла книга, в рецензии на которую в частности написано: «В сборник Сергея Скудаева вошли произведения, написанные за последние сорок лет. Листая страницы, читатель переносится в разные десятилетия, меняет города и страны, осознаёт быстротечность жизни, словно пропускает песок времени сквозь пальцы. Стихи, созданные в последние годы, проникнуты ностальгией. В них много рассуждений на философские темы, присутствуют попытки проанализировать самого себя, свою жизнь, подвести некоторые итоги...» В ближайших номерах мы планируем представить его творчество.

Олег Тихонов, уехавший из Иркутска в Германию в середине 90-х, вышел на меня несколько лет назад в «Одноклассниках». Напомнил, что встречались мы с ним в литературном объединении университета. Тогда он писал стихи, а в последние годы «налёг» на автобиографическую прозу и связанные с ней «придуманные» рассказы. Сюжет одного из них возник после посещения Олегом Георгиевичем России. Подпустив «мистики», автор образно изобразил состояние той части души, которая не смогла расстаться с прошлым. А драматический финал бы приписан им совсем недавно, после известного всем нам «обнуления».

Выпуск подготовил Сергей Корбут,
E-mail: pereval-korbut@mail.ru

– Чайник, ты где, ау?! – Георгий Григорьевич быстрым взглядом окинул кухню, в которой после ремонта электропроводки наблюдался непривычный ему беспорядок. – Да куда же ты подевался, дружок?

Было ещё довольно светло, сумерки лишь затенили глубину леса, начинавшегося сразу за забором, но Георгий Григорьевич всё равно зажёл свет. Собрав разбросанный инструмент, ещё раз огляделся вокруг. Домовой, что ли, балует?

Вынес инструмент на веранду, выглянул на улицу. Зябко. Может, баню затопить, помыться перед праздником?

– Ох, голова беспаятная! А ещё на домового грешись! – ругнул он сам себя. – Чайник-то кто в баню унёс? Сам и унёс, Гога-магога!

Баня подпитана через отдельный кабель, и, захотев перекусить, Георгий Григорьевич решил вскипятить воду там, да забыл про чай, снова увлечшись работой...

Банька удалась на славу, трижды сходил в парилку, голышом охлаждаясь на свежем воздухе. После бани, введомо, стопочку водки пропустил внутрь, закусив варёной картошкой с солёными груздочками. Благодать! Но повторять не стал – остаток водки завтра пригодится – отметить годовщину революции.

В постели уже вспомнил прочитанные где-то строчки: «А я – советский человек. Им был и, видимо, останусь». Хорошие стихи, только слово «видимо» Георгию Григорьевичу не нравилось, хотя, с другой стороны, разве можно что-то в нынешние времена утверждать категорично? Вот и он сам, Георгий Шумилов, мог ли предполагать в советское время, что занесёт его в далёкую границу, да ещё не куда-нибудь, а во «вражескую» Германию?! Почти десять лет там прожил, и – врать ни другим, ни себе, не будет – неплохо прожил. Не сам туда рванул, супруга, у которой вдруг обнаружили дальние немецкие родственники, уговорила. Впрочем, впрочем... Не сильно-то он и возражал. После ельцинского расстрела парламента и безвинных людей на улицах Москвы показалось Георгию Григорьевичу, что всё – наступил для родной страны конец света. Ничего хорошего ждать от новой власти не приходилось в те лихие, голодные, бандитские девятностые. Вот и утёк туда, где, пусть и чужбина, зато спокойно и надёжно.

Странно, что теперь, спустя не так уж много времени, заграничная жизнь как-то поистерлась в памяти, осталась эдакая заезженная по деревенским клубам киноплёнка, многожды порванная и склеенная сикось-накось, порой так и слышались голоса зрителей, повернувшихся к окошку кинемеханика: «Сапожник!»

Жили они в Германии неплохо, родственники жены помогли устроиться, найти работу. Хотя, если бы не хорошее знание им немецкого языка, вряд ли бы так пофартило. А языком увлёкся Георгий ещё в девятом классе, очень уж влекла его молодая «немка», сама ещё доучившаяся заочно; старался, чтобы обратила на него внимание, напрашивался на дополнительные занятия, учился разговорному, что ей особенно нравилось... Ну а в политехе, удивив всех уровнем языковой подготовки, после первого курса закрепился в интернациональном студенческом строительном отряде, мечтал побывать в ГДР – не получилось.

Многое, очень многое изменилось в жизни. Даже странно, что такое оказалось возможным. Нет теперь ни ГДР, ни ФРГ, есть единая Германия; нет единого СССР – есть 15 отпавших друг от друга государств с очень непростыми взаимоотношениями. Впрочем, и в Германии всё не так уж просто. Западные немцы, называемые «весси», несколько презрительно относятся к «осси» – восточным. Ну ещё бы, ведь в Европе привыкли и встречать, и провожать «по одежке». А на востоке и зарплаты в два раза меньше, и крупных предприятий не стало, все их перекупили и обанкротили конкуренты с запада. На западе значительно меньше работающих женщин, чем на востоке, зато многие «весси» приезжают учиться в вузы

сом, из Германии не в пломбированном вагоне приехал, революционер?»

Впрочем, на следующее утро «революционер» и сам не понимал, с чего понесло на баррикады, не было у него прежде в заводе в политику лезть, словно кто-то другой за него речь толкал.

За событиями в России Георгий Григорьевич, как мог, следил «из-за бугра», читал местную аналитику. Мало что ему нравилось, хотя иногда и проблёскивала надежда, что выберется огромная страна из экономической и социальной ямы, куда спихнули её «младореформаторы». Но теперь представилось, что яма больше напоминает пропасть... В общем, передумал Шумилов в Россию возвращаться, во всяком случае, пока власть не сменится.

Перед отъездом в Германию он не мог не побывать на Байкале. Тот же Муромский присоветовал ему гостиницу «для небедных» в небольшом посёлке. Там и случилось совершенно мистическое происшествие. Сходяв утром в туалет, Георгий Григорьевич обнаружил, что он в номере не один, на постели посапывал во сне... он сам. Сначала Шумилов подумал, что умер и, как в каком-то фильме, его душа смотрит на своё оставленное тело. Но – мёртвые не посапывают, это раз, а души вряд ли ходят в туалет, это два. Вывод напрашивался более чем

невероятный: каким-то образом он раздвоился. При этом так остро ощущал желание остаться здесь, у Байкала, что даже испытывал неприязнь к посапывающему двойнику, решившему вернуться в Германию (хотя, если рассуждать здраво, двойником был, скорее, он). А что будет, когда спящий проснётся? Опять же в каком-то фильме встреча двойников привела к гибели обоих. И, возможно, то, что он стоит сейчас и смотрит на самого себя, это пока не смерть, а предсмертие... Стараясь остаться незамеченным, Георгий Григорьевич вышел из гостиницы.

Как он устроивался в посёлке, рассказывать не будем, сейчас важно то, что сознание нашего героя словно возвратилось в далёкие уже для него годы. Почти ни с кем не общаясь, большую часть свободного времени он предавался воспоминаниям, по сути, жил ими, часто, как бывает к старости, идеализируя прошлое: счастливое детство, беззаботная юность, созидательная молодость... Из всех праздников отмечал только один: красный флаг вывешивал и позволял себе выпить не одну стопку, а три – за революцию, за Ленина и за Сталина...

Утром, достав и развернув самодельный флаг с кривовато нарисованными серпом и молотом, Георгий Григорьевич увидел, что полотнище выцвело, пообтрепалось, и, тяжело вздохнув: «Как и память людская. Не тот нынче материал и краски не те...» – услышал вдруг свой же, но отстранённо-насмешливый голос: «Дурак ты, Гога-магога, прошлое не вернёшь, а в настоящем тебя нет и быть не может...»

Следом в стёкла резко ударил ветер, а когда Шумилов повернулся, с ветки сосны спикировал к дому огромный чёрный ворон и перед самым окном взмыл вверх, затмив свет, царапнув стекло когтями.

Лишь через неделю сосед обнаружил пустой выставший дом и заметил, что в ветках сосны напротив запуталась красная тряпка.

Олег ТИХОНОВ

ОДИН МИНУС ОДИН

ФРАГМЕНТ
РАССКАЗА

бывшего ГДР, где уровень образования остался выше западного. Интересно, что в последние годы здесь стала модной символика исчезнувшего социалистического государства, даже среди молодёжи, не имеющей причин для ностальгии. От «осси» можно услышать, что стена продолжает стоять, просто люди её не видят, потому что у них испортилось зрение.

Вся эта разница и сыграла странную роль в судьбе Георгия Григорьевича. Семь лет прожили они с женой в западной части, дочь вышла замуж и перебралась с мужем в Австрию, жена домохозяйничала, пока бывший соотечественник не сманил её устроиться на работу в университет на востоке, а вот самому Шумилову найти там вакансию удалось только через полтора года, да и то с куда более низкой зарплатой. Тогда и начало одолевать Георгия Григорьевича чувство, которое принято называть ностальгией. Зрело решение вернуться в Россию, но решил сначала побывать в родных местах, осмотреться.

Встретившись со старыми знакомыми, насмотревшись российского телевидения, ощущения родины не испытал. Нет, был, конечно, вначале эмоциональный всплеск, какая-то эйфория, но тем контрастнее стало сменившее их разочарование. То, что в Германии сначала удивляло и корбило, но воспринималось как естественные черты капитализма, здесь, в России, в среде неплохо устроившихся сообразно новым условиям знакомых, а особенно после общения с неустраившимися, показалось ему глупой игрой, бездарной пародией, лёгким сумасшествием, превращающим жизнь в инфантильное ожидание неизвестно чего.

Когда на небольшой вечеринке, устроенной в честь его приезда, Георгий Григорьевич завёл разговор о том, что так жить нельзя, нужно добиваться, чтобы власть думала не только о себе и олигархах, но и о народе, бывший коллега Илья Муромский срезал его одной фразой: «А ты, ча-

В ПОЭТИЧЕСКОМ ПОТОКЕ

В столице Японии 27 сентября состоялась премьера спектакля Токийского русского театра «По центральной улице любви», поставленного по стихам иркутянки Л.В. Гибадуллиной. Приводим фрагменты беседы Любви Вениаминовны с журналистом из Токио Дарьей Задорожной (она же актриса театра):

– Как произошло Ваше знакомство с Токийским русским театром?

– Я работала в творческом проекте, где главные герои русские и японцы. Так судьба и свела меня с замечательным режиссёром Ингой Кузнецовой, живущей в Японии. Инга предложила поставить спектакль по моим стихам. Не скрою, я была этому очень рада и предложила тему – Любовь.

– Стихи, написанные Вами, словно узор из разных чувств, мыслей, опыта жизни. Как Вы отбирали стихи для нашего спектакля?

– Это была наша общая с Ингой работа. И эта работа очень непростая, живая и увлекательная.

Непростая – потому что стихов в моём арсенале много, и нам надо было выбрать не только интересные, но и разные по краскам истории, которые, по мнению Инги, должны совпасть с душой каждого актёра и менталитетом вашего зрителя.

Живая – потому что по ходу работы над спектаклем, по сей день, из его сценария уходят одни стихи, но приходят другие – жизнь диктует замены, иные выборы. Иногда я позволяю себе дописать строки или что-то поменять внутри стихотворения.

Увлекательная – да потому что я вижу, как мы все, участники проекта, с удовольствием плывём вместе в этом поэтическом потоке, ныряя в него с головой и поглядывая вперёд! Волны творческой фантазии влекут нас в гармонию и свечение будущего спектакля. Конечно же, кроме рифм, в волнах есть и рифы, но, я предполагаю, что команде смельчаков нравится испытывать всё!

– Что бы Вы хотели посоветовать актёрам, читающим Ваши стихи?

– Советовать – дело зыбкое. Душа каждого исполнителя передаст в зал собственные частоты, вибрации и смыслы, свою историю. Но всё же рискну и попрошу о некоторых авторских «нотках»! Просто рассказывая людям «свои» истории, при этом ГОВОРИТЕ с ними! У вас есть, что сказать! И смело наслаждайтесь на сцене тем, что делаете! Помните: сила личности «пробивает» зал.

Транслируйте партнёрам и в зал не только слова, ритмы, чувства и образы, но и их наполнение, пульсацию. Тогда «картинки» оживут, взаимодействие и воздействие усилятся, а слова, ритмы, чувства и образы сами сделают всё самое важное за вас.

А ещё знатоки говорят, что на сцене должно быть ощущение только что придуманного! Следуем за своим вдохновением!

И ещё, друзья, знайте то, что уже доказано учёными: поэзия гармонизирует и исцеляет не только чтеца, но и всё окружающее Пространство! – я в этом не раз убеждалась. Свет вам в Помощь!

– Что Вам хочется донести до токийского зрителя? На какие мысли, эмоции и чувства вдохновить?

– Кроме основной мысли «Не боясь, о чувствах говорите!» (так называется один из моих сборников стихов), хотелось бы донести ещё мысль о том, что Любовь всегда и по праву должна быть в Центре жизни человека, как бы ни складывалась его судьба. Любовь – это Исток, это я сам-сама, это указатель, это цель и это путь. И это самое «возДУХоносное» и «возДУХодающее», наполненное чистотой и нежностью состояние, которому не страшны никакие «уличные выбросы» и мелкие соблазны «закоулков». Это то великое и светлое, что соединяет, скрепляет людей во имя их со-творчества, со-зидания, со-дружества, со-гласия (и много иных «со»), а

также – во благо Мира не только на Земле, но и... берите выше!

Спрашиваете, на какие мысли, эмоции и чувства хотела бы постановкой вдохновить людей?

А давайте я вам подарю своё новое стихотворение! Оно не входит в наш проект, но, пожалуй, в конце ответит на этот вопрос:

О, ОТЧУЖДЕНИЕ ЗЕМНОЕ!

О, отчуждение земное!
Переживаю я за это.
Всё было общее, родное,
Теперь – раскол всему примета.

На части света, государства,
На взгляды, нравы раздробились!
Идёт война. Зло и лукавство
Опасно в душах приютились.

Пусть дрожь и крик забытой сладости
Сольются в пенистый мотив,
И всхлипнет сердце в светлой радости,
Себя пред Богом укротив!

...О, этих грёз иль яви месиво –
В сакральном таинстве луны!
Я обниму тебя поэзией
Под покрывалом тишины...

Я ВЕДЬ ДАВНО

Я ведь давно увидела тебя,
А ты сказал, что сам меня увидел...
Вдруг чувства всколыхнулись, теребя,
Заполонив сердечную обитель.

Заснежено застыли у мечты,
Склонив желанья в сторону надежды,
И захотелось просто теплоты,
Всё изменить – и стать не той, что прежде!

Любовь ГИБАДУЛЛИНА

ПО ЦЕНТРАЛЬНОЙ
УЛИЦЕ ЛЮБВИ

«Это свершилось! 27 сентября было незабываемым! Мы до сих пор переживаем эмоции, рассматриваем фотографии, наполнены разнообразными чувствами и, конечно же, благодарностью к нашим дорогим зрителям, которые посетили наш спектакль «По центральной улице Любви»!

Все актёры, танцоры, режиссёр, художник-постановщик, осветители, звукорежиссёры потрудились на славу! Рабочие роли наши перемежались, кто-то пробовал себя, чтобы выйти из комфорт-зоны – для общего дела. Как много всего было: и работа с костюмами, и с музыкой, и полиграфия, и закулисная работа, и – забота! Благодарим всех наших дорогих участников! Отдельная благодарность и почтение – автору, нашей дорогой Любви Вениаминовне Гибадуллиной! Готовимся показать вам спектакль снова, 15 ноября, в новом зале на Икэбукуро!»

(Из Инстаграма Токийского русского театра)

На снимке: начало спектакля «По центральной улице любви» – поэтическое обращение Любви Вениаминовны Гибадуллиной к зрителям

Уж не хотим делиться хлебом,
Из родников – живой водою!..
Но как же жить тогда под Небом,
Коль всё наполнено бедою?!

Промыть бы наши мысли, чувства
Во всех углах земного плана,
Чтоб новых помыслов искусство
Для нас бы не было так странно!

Без денег, что всему причина,
Без чёрной зависти, коварства,
В порыве общего почина
Посметь создать здесь Божье Царство!

Испить небес седую млечность,
Как молоко мы пьём парное,
И осознать душою Вечность,
Где ВСЁ ЕДИНО и... родное!

О, если б Времени земному
Нам выбрать новую примету!
Всмотреться в Жизнь чуть по-иному:
ЛЮБОВЬ ИДЁТ по белу Свету!

СТИХИ ИЗ СПЕКТАКЛЯ

Я ОБНИМУ ТЕБЯ ПОЭЗИЕЙ

О, этих чувств изящных месиво –
Без проступающей вины!..
Я обниму тебя поэзией
Под покрывалом тишины.

Пусть в пуританстве рифм раздвинутся
Октавы строгих линий строф,
В страстях расплещутся, раскинутся
На лоно жизни – брызги слов!

Пусть вольность вольная взволнуется
Изгибами горячих строк,
Пусть в нежных ласках приголубится
К чернилам – ждущий букв листок.

Пусть в алчных ритмах вожделения
Творятся счастье и печаль,
Под пылкий шёпот вдохновения
Чудачит образами даль!

И пусть в Любви освобождается
Стихийных звуков торжество,
В созвучье красок зарождается
Стихотворенья волшебство!

Она и хвалит, и ругает,
Чем может – дружно помогает,
Обиды горькие прощает,
Стол накрывает, угощает
И сбережёт, в любви храня –
Незащищённого меня.

Спасение нам всем – семья.

Не та – что силу умаляет,
Талант раскрыть не позволяет,
В больное – едко уязвляет,
Тиранит, треплет, огрубляет
И пьёт, за всё подряд браня –
Опустошённого меня.

Спасение нам всем – семья.

Не та – где каждый за себя,
Где лгу, виню, страдаю я,
А та – где дух, мечтой маня,
Душа, свободой пьяня, –
Горят, ликуя и звеня,
Где вдохновляют жить меня!

Спасение моё – семья.

ОСТРОТА ОЩУЩЕНИЙ

Острота ощущений, ау!
Где, сударыня, где потерялась?
Ты не слышишь, тебя я зову,
Неужели ты в детстве осталась?

Вроде в юности шла по пути,
Да и позже, бывало, случалась...
Как тебя отыскать? Где найти?
Может быть, просто так –
задержалась?

Зацепилась за ветку беды,
Над бесчувственной бездной
склонилась,
У болотца из мёртвой воды,
Перепутав, испить опустилась?

Заблудилась ли в чаще обид
Иль в реке суеты утонула,
Или прячешь унылый свой вид? –
Ты ведь тоже немало хлебнула!

Я в слезах тебя хрипло зову,
Всё хочу испытать, что осталось!
Острота ощущений, ау!
Где, сударыня, где потерялась?!

ДОЧЕНЬКА

Доченька, осеннюю порою
Мечется озябшая листва,
Кажется нелепою игрою
Осыпанье чувств и дум – в слова.

Разве описать любовь словами?!
Можно ль нежность – словом передать?
Стелется в моём душевном храме
Тихой радости седая гладь.

Ластятся невидимые строки
Тёплой благодарностью к тебе...
Вместе извлекали мы уроки,
Проходя по мстительной судьбе.

Высытятся года воспоминаний,
Высветив, возвысив нашу роль!
Мы в духовном трепете исканий
Мудрость постигали через боль...

Оберечь тебя бы от страданий,
От невзгод нежданных оградить,
И, как в детстве, в сладости касаний,
На свои колени усадить.

Песенку тебе напеть негромко,
Покачать задумчиво слегка...
Да, бывало в сердце хрупко, ломко:
Грёз и страхов лёд, и слёз – река.

Мы с тобой в пространстве понимания,
В льющейся заботливости дней,
Ты всё краше, статнее в сиянье
Материнской гордости моей.

Светятся две ауры, два света
В дружбе верной, в близости, в родстве,
Я – тобою, мною – ты согрета
В зрелой, прелой жизненной листве.

Доченька, в надежде, в светлой вере
Сбереги мгновения свои!
Пусть тебе сполна, в злачёной мере,
Бог воздаст и Счастья, и Любви!